

УДК 323.1

Адиев А.З.

Представительство этнических групп в органах власти как фактор социально-политической стабильности на Северном Кавказе

Введение. В условиях, когда абсолютное большинство субъектов Российской Федерации являются полиэтничными по составу населения, кажется, что не стоит выделять Северо-Кавказские республики, придавая особое значение их региональной модели политической организации жизни, учитывающей этническое многообразие административных территорий. В стратегическом плане политико-правовые институты в России направлены на укрепление гражданской общности, предполагающей деполитизацию этнической идентичности граждан, значение которой переносится главным образом в плоскость культуры [10]. Выведение этничности из сферы политики, по замыслам федеральных законодателей, исключает возникновение политических проектов, обозначающих этнические группы в качестве субъектов или акторов политики, способствуя тем самым снижению рисков этнополитического сепаратизма. Действительно, в большинстве регионов РФ этничность граждан не влияет на их политическое поведение, но в некоторых республиках в составе РФ этничность всё ещё имеет значение в политической жизни региона. Вслед за Ф. Бартом, термин "этническая группа" используется нами для обозначения народонаселения, которое в значительной степени биологически самовоспроизводимо; разделяет фундаментальные культурные ценности, реализованные во внешнем единстве культурных форм [11, с. 11]. Этническая группа характеризуемая тем, что принадлежность к группе, идентифицируемой как теми, кто в неё входит, так и теми, кто в неё не входит, конституирует категорию, отличную от других категорий того же порядка. "Этничностью" называется социально-групповая форма отождествления, заключающаяся в соотношении индивидом себя с какой-либо этнической группой, к которой он сам себя причисляет [1, с. 355].

В республиках Северного Кавказа, где проживают несколько титульных (т.е. чьи этнонимы отражены в названиях республик) и автохтонных (исконно проживающих на территории республик) этнических групп, с самого начала их постсоветского развития встал вопрос о выработке институциональных механизмов согласования интересов разных сообществ в системе региональной политики и управления [5]. Традиция восприятия этнических групп в качестве субъектов политических отношений на Северном Кавказе восходит к советской национальной политике, в том числе к политике "коренизации" — продвижения представителей автохтонных этносов на руководящие должности. Данная традиция базируется на примордиалистском подходе к пониманию этничности и группизме, под которым Р. Брубейкер понимает тенденцию рассматривать ограниченные группы как базовые составляющие социальной жизни [2, с. 23].

Исследователи политических режимов в различных странах мира, где учитывается этнический фактор при распределении властных позиций, объясняют институционализацию этнокультурных различий необходимостью сохранения политической стабильности и целостности полиэтничного государства [см.: 12, 13]. Игнорирование интересов различных этнических групп при распределении властных позиций грозило Дагестану, Кабардино-Балкарии и Карачаево-Черкесии фрагментацией их территорий по этно-федеративному принципу. В целях предотвращения сепаратизма и этнополитического раско-

© Адиев А.З., 2018

АДИЕВ Асланбек Залимханович, канд. полит. наук, ученый секретарь Регионального центра этнополитических исследований Дагестанского научного центра РАН (г. Махачкала). E-mail: Khalid_84@mail.ru

ла общественные силы и власть в этих республиках выработали особые региональные системы учёта этничности в политике. Эти региональные системы, в своё время позволившие сохранить целостность северокавказских республик, подвергаются в последние годы, по оценкам исследователей, весьма существенной эрозии [9, с. 23]. При этом факторы, которые в ранние постсоветские годы сделали востребованной систему неформального этнического "квотирования", тоже постепенно размываются. В данной работе ставится цель описать современное состояние этих региональных систем учёта этничности в политике, чтобы понять перспективы политического развития северокавказских многонациональных обществ. С целью анализа региональных практик учёта этничности при распределении властных позиций нами проанализированы конституции республик, этнический состав текущих созывов региональных парламентов, осуществлён мониторинг публикаций в СМИ и изучена научная литература по тематике исследования.

Дагестан. Самый сложный пример неформальной институционализации распределения властных позиций по этническому принципу демонстрирует Республика Дагестан (РД), где начиная с 1990-х гг. обеспечивалось представительство в органах государственной власти республики четырнадцати этнических групп, проживающих в регионе и обладающих письменностью. Это аварцы, агульцы, азербайджанцы, даргинцы, кумыки, лакцы, лезгины, ногайцы, русские, рутульцы, табасаранцы, таты, цахуры и чеченцы. Самые крупные по численности этнические группы в Дагестане – это аварцы (29% от населения республики по итогам Всероссийской переписи населения 2010 г.), даргинцы (16%) и кумыки (14%) [4]. Они и представлены больше остальных в органах государственной власти республики. Политическое представительство указанных этнических групп Дагестана было гарантировано Конституцией РД, принятой в 1994 г., и местными законами о выборах. До 2006 г. высшим органом государственной власти в республике являлся коллегиальный Государственный Совет РД, куда входили по одному представителю от всех перечисленных четырнадцати этнических групп, проживающих в республике. Государственный Совет избирался Конституционным собранием, а члены Госсовета избирали из своего круга председателя высшего органа власти. Кроме того, каждый член Госсовета обладал правом вето на любые политические решения, касающиеся жизненных интересов своей этнической группы. Государственный Совет как коллективный глава республики, по мнению дагестанских политологов, был сформирован в качестве наиболее подходящего института, способного обеспечить успешный переход к политической демократии, и как инструмент включения во властную систему представителей основных этносов Дагестана [7, с. 64].

Представительство этнических групп обеспечивалось и в Народном Собрании (парламенте) РД через особую систему выборов – национально-территориальные округа. Кроме того практиковалось резервирование мест в парламенте за представителями малых по численности этносов, пока Москва не принялась за работу по приведению регионального законодательства в соответствие с федеральным, с целью унификации правового поля внутри страны. Начиная с 2003 г., дагестанские власти вынуждены исключить из республиканской Конституции и законов о выборах положения, гарантировавшие представительство автохтонных этносов в органах государственной власти, но на практике соблюдение принципа пропорционального представительства этнических групп в парламенте республики продолжается через использование неформальных механизмов.

Известно, что практика учёта этничности в политике поддерживает тенденцию к укреплению этнополитической идентичности и мобилизации групп этнических меньшинств [14]. Работая долгие годы как один из ключевых факторов сохранения общественно-политической стабильности в полиэтничном Дагестане, принцип обеспечения политического представительства этнических групп мешает укреплению общероссийской гражданской идентичности жителей региона, закладывая в политическое поведение людей этнические смыслы и мотивы.

В управленческом и экспертном мнении относительно современного политического устройства республики доминирует суждение, что после назначения Владимира Васильева руководителем Дагестана в октябре 2017 г. в

республике начался демонтаж системы неформального этнического "квотирования". Сам В. Васильев публично заявил, что не будет учитывать этничность при подборе кадров [3]. По крайней мере, традиция распределения трёх ключевых позиций в политическом руководстве республики (главы субъекта, председателя регионального правительства и спикера парламента) между представителями трёх самых крупных этнических групп республики (аварцами, даргинцами и кумыками) уже нарушена. Кроме того в официальных биографических справках о министрах и руководителях иных органов исполнительной власти РД, опубликованных на официальном сайте Правительства РД, уже отсутствуют сведения об этничности чиновников, которые раньше публиковались. Это, скорее всего, сделано для того, чтобы не акцентировать внимание общественности на этнической принадлежности тех или иных региональных управленцев, подбор и расстановка которых отныне осуществляется (так, по крайней мере, декларируется) исключительно по деловым и личностным качествам.

Вместе с тем, нельзя сказать, что этнический фактор абсолютно не учитывается в кадровой политике Владимира Васильева, направленной на обновление регионального правительства. Среди членов дагестанского правительства, сформированного после утверждения в должности В. Васильева, есть представители многих этнических групп Дагестана: аварцев, даргинцев, кумыков, лезгин, лакцев, русских, табасаранцев. В Народном Собрании РД принцип политического представительства этнических групп продолжает работать, обеспечивая присутствие среди парламентариев представителей даже малых по численности дагестанских этносов (см. табл. 1).

Таблица 1. Этническое представительство в Народном Собрании Республики Дагестан VI созыва (2016–2020 гг.)

№	Этнические группы	Количество депутатов в НС РД VI созыва	% к общему числу депутатов
	Всего депутатов НС РД	90	100%
1.	Аварцы	29	32,2%
2.	Агульцы	1	1,1%
3.	Азербайджанцы	3	3,3%
4.	Даргинцы	11	12,2%
5.	Кумыки	14	15,5%
6.	Лакцы	5	5,6%
7.	Лезгины	12	13,3%
8.	Ногайцы	2	2,2%
9.	Табасаранцы	5	5,6%
10.	Таты	1	1,1%
11.	Русские	3	3,3%
12.	Рутульцы	1	1,1%
13.	Цахуры	1	1,1%
14.	Чеченцы-аккинцы	2	2,2%

Источник: Таблица сформирована с использованием данных, опубликованных на официальном сайте Народного Собрания Республики Дагестан (<http://nsrd.ru>) и экспертных оценок об этническом составе депутатского корпуса текущего созыва.

Зачастую, это представительство представляется символическим, но даже оно позволяет нивелировать протестную этнополитическую риторику, создавая эффект сопричастности всех дагестанских этнических групп к политическому управлению регионом. Таким образом, ценность региональной практики неформального учёта этничности видится нам, прежде всего, в содействии формированию общегражданской идентичности через сопричастность всех этнических групп Дагестана к институтам государственной власти. Данная неформальная практика в Дагестане начинает сужаться и выдавливаться формальными институтами, которые не обязывают региональные власти учитывать этнический фактор в политике.

Кабардино-Балкария. Этнический фактор в формировании органов власти в Кабардино-Балкарской Республике (КБР) учитывается путём неформальной институционализации, когда более или менее устойчивые практики возникают как следствие неких договорённостей, которым следуют политические акторы, хотя нормативно-правовое регулирование распределения власти между этническими сегментами отсутствует. Эти договорённости возникли в результате сложного постперестроечного политического процесса в конце 1980-х – начале 1990-х гг., когда от имени своих этнических групп активистами национальных движений начали декларироваться требования и лозунги о политическом самоопределении этносов. Так, в 1991-1992 гг. противостояние между мобилизованными балкарцами и кабардинцами привело автономную республику на грань распада.

В этническом составе населения КБР по результатам переписи 2010 г. выделяются три группы: кабардинцы (57,2% от всего населения республики), русские (22,5%) и балкарцы (12,7%) [4]. На их долю приходится 92,4% населения КБР. Неформальная система этнического квотирования в КБР охватывает, прежде всего, три высшие должностные позиции (Глава КБР, Председатель Правительства КБР, Председатель Парламента КБР) в органах государственной власти республики. Соответственно главой КБР неизменно становится кабардинец, спикером парламента – либо русский, либо балкарец. А в зависимости от того, кто стал спикером парламента, назначается председатель правительства от непредставленной в первых двух позициях третьей этнической группы. Также система распространяется, но уже не в столь явном виде, на состав правительства.

Депутатский корпус регионального парламента хоть и формируется на выборной основе, но через определённые механизмы (партийные списки и неформальные договорённости) система представительства этнических групп там тоже соблюдается (см. табл. 2). В целом, представительство перечисленных этнических групп в региональном правительстве и парламенте коррелируется с этническим составом населения республики, и эта практика воспроизводится достаточно устойчиво.

Таблица 2. Этническое представительство в Парламенте Кабардино-Балкарской Республики V созыва (2014–2019 гг.)

Этнические группы	Всего депутатов в Парламенте КБР V созыва	% к общему числу депутатов
Всего депутатов	70	100%
1. Кабардинцы	37	52,9%
2. Балкарцы	15	21,4%
3. Русские	17	24,3%
4. Представители иных национальностей	1	1,4%

Источник: Таблица сформирована с использованием данных, опубликованных на официальном сайте Парламента Кабардино-Балкарской Республики (<http://parliament.kbr.ru>) и экспертных оценок об этническом составе депутатского корпуса текущего созыва.

Функционирование данной системы находится на контроле общественности, особенно этнически ориентированных общественных организаций и их активистов, которые внимательно следят за кадровыми перестановками и бьют тревогу, когда нарушается сложившийся на текущий момент баланс. При этом влияние общественных организаций этнического толка на политические назначения в КБР представляется незначительным, хотя исследователи отмечают высокую активность в этом вопросе общественных организаций, выступающих от имени балкарского народа.

Кадровая политика нынешнего руководства КБР продолжает учитывать фактор этничности, но уже не так очевидно и системно, как это соблюдалось в девяностые годы двадцатого века. В целом, как и в других полиэтничных республиках Северного Кавказа, неформально существующую практику учёта этничности при распределении властных позиций в КБР можно рассматривать как один из факторов сохранения этнополитической стабильности и единства республики. КБР представляется регионом, где вопрос учёта этничности при распределении властных позиций волнует, прежде всего, балкарскую общественность, что обусловлено их малой численностью по сравнению с кабардинцами. Важным аспектом здесь выступает именно соблюдение пропорционального представительства основных этносов во властных структурах КБР, что нивелирует протестно-мобилизационный потенциал этнических активистов по данному вопросу. Разумеется, балкарская общественность не будет удовлетворена в полной мере существующими неформальными правилами распределения властных позиций, основанными на численном соотношении титульных этносов, а не на паритетном распределении должностей. Однако отказ от существующей практики пропорционального принципа политического представительства этнических групп неизбежно приведёт к ещё меньшему присутствию балкарцев в органах государственной власти КБР, поскольку политическое поведение на Северном Кавказе всё ещё в определённой мере определяется фактором этнической принадлежности, т.е. тем, что А. Лейпхарт называл "первобытной" преданностью [8, с. 51].

Карачаево-Черкесия. В Карачаево-Черкесской Республике (КЧР) "субъектообразующими" считаются пять этнических групп: карачаевцы (40,9% от населения республики по итогам Всероссийской переписи населения 2010 г.), русские (31,6%), черкесы (11,9%), абазины (7,7%) и ногайцы (3,3%) [4]. За последние годы наблюдается тенденция уменьшения доли русских и увеличения доли остальных этнических групп в составе населения республики. Соответственно, возрастает число представителей карачаевского и черкесского этносов в политическом руководстве республики.

Таблица 3. Этническое представительство в Народном Собрании Карачаево-Черкесской Республики V созыва

Этнические группы	Всего депутатов в НС КЧР V созыва	% к общему числу депутатов
Всего депутатов	50	100%
1. Карачаевцы	22	44%
2. Русские	16	32%
3. Черкесы	7	14,5%
4. Абазины	2	4%
5. Ногайцы	2	4%
6. Представители иных национальностей	1	2%

Источник: Таблица сформирована с использованием данных, опубликованных на официальном сайте Народного Собрания Карачаево-Черкесской Республики (<http://parlament09.ru>) и экспертных оценок об этническом составе депутатского корпуса текущего созыва.

Проблемы подбора и расстановки кадров, представительство этнических групп в органах власти были центральными в деятельности общественных организаций этнической направленности с начала постсоветского развития КЧР. Этот вопрос связывался этническими лидерами с вопросами доступа к ресурсам, повышением политического статуса этнических групп, сохранением их культуры, возможностью решения экономических демографических, образовательных, и других проблем своих групп. С момента преобразования Карачаево-Черкесской автономной области в республику (1992 г.) вопросы этнического представительства во власти являются для народов КЧР первоочередными и сохраняют свою актуальность. При этом подходы этносов различаются в зависимости от их численности. Малочисленные абазины, ногайцы, черкесы всегда выступали за паритетный, а не пропорциональный принцип политического представительства этнических групп, а также за постоянную сменяемость (ротацию) высшего должностного лица по этническому принципу. Т.е. один срок главой КЧР работает представитель одной этничности, потом – другой, третей и т.д. Карачаевцы, на момент распада СССР вторые по численности – выступали за пропорциональное политическое представительство этнических групп. Представители русскоязычного населения, на тот момент самого многочисленного в республике, также требовали соблюдения пропорционального, а не паритетного принципа при политических назначениях. Но этнодемографические и миграционные процессы последних лет привели к существенному сокращению численности русского населения КЧР, и теперь общественные организации, выражающие интересы этой группы населения республики, обеспокоены нарушением в отношении русских прежних пропорций политического представительства.

Проблема этнического представительства во власти остаётся актуальной и в настоящее время, что связано с высоким уровнем политизированности этнической идентичности в регионе. В соответствии с конституционно закреплённым "субъектообразующим" статусом пяти перечисленных этнических групп именно эти группы включены в систему неформального этнического "квотирования" в региональных органах власти. В условиях постоянной борьбы за власть среди влиятельных кланов республики (которые, прикрываясь этническими лозунгами, решают свои узкогрупповые интересы), принцип распределения властных позиций с учётом этнического фактора начал приобретать значение базовых "правил игры" в борьбе за власть, на соблюдении которых держится целостность всей многонациональной политической конструкции КЧР. С 2000 г. закрепилась негласная система распределения властных позиций в регионе: первое лицо (Глава КЧР) – карачаевец по этничности, Председатель Народного Собрания КЧР – русский, Председатель Правительства КЧР – черкес. Эта система – результат неформальной договорённости между органами власти КЧР и общественными организациями этнического толка, пристально следящими за соблюдением своих групповых интересов. При этом сама договорённость выработалась в ходе регионального государственного строительства, сопровождаемого социальными и этнополитическими напряжениями, конфликтами. Во избежание этно-сепаратистских проектов, для сохранения стабильности и межэтнического согласия была необходима система распределения властных позиций в регионе, хотя бы относительно устраивающая все этнические группы. Нарушение этого баланса приводит к нарушению стабильности в политической сфере. При этом малочисленные этносы КЧР обеспокоены устойчивостью сложившейся системы и продолжают бороться за повышение своего политического статуса. Так, абазины требуют закрепления за ними должности руководителя аппарата Главы и Правительства КЧР. Например, в решении и резолюции съезда Общественной организации "Абаза" от 11 мая 2015 г. было отмечено, что абазины республики недостаточно представлены в федеральных и республиканских органах власти. Исходя из негласно закрепившегося этнического распределения должностей в органах республиканской власти, абазины считают справедливым закрепление за ними должности руководителя Администрации Главы и Правительства КЧР. Ногайцы республики обеспокоены снижением численности министров – ногайцев, ногайских кадров в руководстве территориальных органов федеральных ведомств на территории КЧР. Представители абазинского и ногайского этносов выражают озабоченность тем, что

практика делегирования представителей КЧР в Совет Федерации и Государственную Думу Федерального Собрания РФ не даёт им возможности оказаться в высшем законодательном органе страны. Лидеры общественного мнения "субъектообразующих" этнических групп республики, руководители этнических общественных организаций, взявших на себя функции выразителей интересов своих групп, исходят из того, что государственность каждого этноса в значительной степени гарантируется их представительством в органах государственной власти.

Законодательного закрепления принципов политического представительства "субъектообразующих" этнических групп в органах власти разного уровня в Конституции КЧР нет, но согласно 83 и 92 статьям Конституции КЧР, органы государственной власти должны формироваться с учётом представительства перечисленных пяти этносов. Так, в статье 83 пункт 2 отмечено, что "Персональный состав Президиума Народного Собрания (Парламента) Карачаево-Черкесской Республики формируется с учётом национального представительства". В статье 92 пункте 3 определено, что "Президиум Правительства Карачаево-Черкесской Республики формируется из Председателя Правительства, его заместителей, членов Правительства с учётом национального представительства" [6]. Таким образом, в конституционной модели формирования и функционирования органов государственной власти республики не определены конкретные принципы этнического представительства, хотя оговорена необходимость формирования руководящих органов власти республики с учётом этнического фактора. Текст Конституции КЧР в части этнического представительства длительное время подвергался критике со стороны представителей общественных организаций малочисленных этнических групп. Вместе с тем, в Основном Законе КЧР закреплён "субъектообразующий" статус двух титульных и ещё трёх автохтонных этнических групп КЧР, утверждён порядок формирования органов исполнительной и законодательной власти, определены некоторые элементы политического представительства этнических групп без конкретизации и институционализации его принципов. Таким образом, в КЧР с момента её создания существует управленческая модель, основанная на системе пропорционального представительства этнических групп в региональных органах власти. Её принципы негласно соблюдаются органами власти республики, в первую очередь, руководителями КЧР, под контролем активно действующих общественных организаций этнической направленности. Вопросы политического представительства этнических групп, обостряющиеся в ситуациях нарушения неформального этнополитического баланса при назначениях на высшие должности в республике, могут приобретать конфликтный характер и использоваться этническими активистами для протестной мобилизации масс.

Таким образом, в Карачаево-Черкесской Республике сложилась устойчивая система политического представительства этнических групп во власти, в основе которой лежит принцип пропорционального представительства, носящий неформальный и конвенциональный характер. Вместе с тем, очевидно, что при сохранении этой системы представительства необходимо акцентировать внимание на профессионализме, который должен гарантировать эффективность политического управления на региональном уровне.

Выводы. Обеспечение нормального функционирования и развития основных общественных институтов и предотвращение конфликтов, угрожающих целостности общества, – одни из важнейших задач государственной социальной политики на местах и в регионах. Без этого условия меры, направленные государством на поддержание уровня жизни и доходов населения, развитие системы образования, здравоохранения и усилия в других областях социальной политики, могут обернуться усилением позиций лишь отдельных социальных групп в ущерб положению других, когда речь идёт о полиэтничных обществах и регионах. В целях обеспечения межэтнического согласия и сохранения целостности полиэтничных северокавказских республик в составе России, региональные власти в своём постсоветском развитии выработали неформальные институты и практики обеспечения политического представительства этнических групп. Они содействуют, с одной стороны, укреплению этнополитической стабильности в регионе, не допуская нарушения баланса в пользу (или в ущерб) той или иной этнической группы. С другой

стороны, функционирование на Северном Кавказе института неформального этнического "квотирования" неизменно предполагает политизацию этничности и постулирование этнокультурных различий, что создаёт трудности как внутренней интеграции полиэтничных регионов, так и конвергенции их с российским политико-правовым, социокультурным пространством. На примере Республики Дагестан мы видим, как формальные "правила игры" начинают постепенно выдавливать неформальные институты, которые можно рассматривать как временные послабления писаных законов региональным особенностям и реалиям жизни. Бесконфликтный демонтаж неформальной системы политического представительства этнических групп в Дагестане может стать в глазах федерального центра весомым аргументом в пользу унификации региональных политических практик во всех республиках Северного Кавказа, где до сих пор с помощью неформальных механизмов осуществлялся учёт этничности в политике.

Литература

1. Аствацатурова М.А. Российская идентичность в Северо-Кавказском регионе: гражданское содержание и полиэтничные формы. Учебное пособие. Пятигорск: ПГУ, 2012. Словарь основных терминов.
2. Брубейкер Р. Этничность без групп / пер. с англ. И. Борисовой. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2012. 408 с.
3. Врио главы Дагестана не будет учитывать национальность при подборе кадров // Коммерсант 2018. Выпуск от 10 февраля [Электронный ресурс]. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/3546578> (дата обращения: 24.08.2018).
4. Всероссийская перепись населения 2010 года. Официальные итоги с расширенными перечнями по национальному составу населения и по регионам // Сайт Федеральной службы государственной статистики. [Электронный ресурс]. URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/results2.html (дата обращения: 24.08.2018).
5. Ибрагимов М.-Р.А. Истоки и практики этнического квотирования в Дагестане // Гуманитарные и социально-политические проблемы модернизации Кавказа. Сборник научных статей V Международной конференции. Назрань, 2017. 400 с.
6. Конституция КЧР в ред. Конституционного закона КЧР от 27.06.2012 № 49-РКЗ. // Официальный сайт. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.parlament09.ru/node/295> (дата обращения: 01.03.2018).
7. Ланда К.Г. Место и роль Государственного совета в формировании властной системы Республики Дагестан // Власть. 2016. № 1. С. 63–67.
8. Лейпхарт А. Демократия в многосоставных обществах: сравнительное исследование / Пер. с англ. М.: Аспект Пресс, 1997. 287 с.
9. Стародубровская И., Казенин К. Северный Кавказ и современная модель демократического развития // Экспертный доклад Комитета гражданских инициатив. 2016. [Электронный ресурс]. URL: <https://komitetgi.ru/analytics/2774/> (дата обращения: 01.03.2018).
10. Стратегия государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года. Утверждена Указом Президента РФ от 19 декабря 2012 г. № 1666. // Официальный интернет-портал Президента РФ. [Электронный ресурс]. URL: <http://kremlin.ru/acts/bank/36512> (дата обращения: 24.08.2018).
11. Ethnic groups and boundaries by Fredrik Barth // [Электронный ресурс]. URL: http://www.bylany.com/kvetina/kvetina_etnoarcheologie/literatura_eseje/2_literatura.pdf (дата обращения: 24.08.2018).
12. Horowitz D. Ethnic power sharing: Three big problems // Journal of Democracy. 2014. Vol. 25. No 2. P. 5–20.
13. Lijphart A. Constitutional design for divided societies // Journal of Democracy. 2004. Vol. 15. No 2. P. 96–109.
14. Lustick I., Miodownik D., Eidelson R.J. Secessionism in multicultural states: Does sharing power prevent or encourage it? // American political science review. 2004. Vol. 98. No 2. P. 209–229.

Транслитерация по ГОСТ 7.79-2000 Система Б

1. Astvatsaturova M.A. Rossijskaya identichnost' v Severo-Kavkazskom regione: grazhdanskoe sodержanie i poliehtnichnye formy. Uchebnoe posobie. Pyatigorsk: PGLU, 2012. Slovar' osnovnykh terminov.
2. Brubejker R. Ehtnichnost' bez grupp / per. s. angl. I. Borisovoj. M.:Izd. dom Vysshej shkoly ehkonomiki, 2012. 408 s.
3. Vrio glavy Dagestana ne budet uchityvat' natsional'nost' pri podbore kadrov// Kommersant 2018. Vypusk ot 10 fevralya [EHlektronnyj resurs]. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/3546578> (data obrashheniya: 24.08.2018).
4. Vserossijskaya perepis' naseleniya 2010 goda. Ofitsial'nye itogi s rasshirennymi perechnymi po natsional'nomu sostavu naseleniya i po regionam // Sajt Federal'noj sluzhby gosudarstvennoj statistiki. [EHlektronnyj resurs]. URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/results2.html (data obrashheniya: 24.08.2018).
5. Ibragimov M.-R.A. Istoki i praktiki ehtnicheskogo kvotirovaniya v Dagestane // Gumanitarnye i sotsial'no-politicheskie problemy modernizatsii Kavkaza. Sbornik nauchnykh statej V Mezhdunarodnoj konferentsii. Nazran', 2017. 400 s.
6. Konstitutsiya KCHR (v red. Konstitutsionnogo zakona KCHR ot 27.06.2012 № 49-RKZ. // Ofitsial'nyj sayt. [EHlektronnyj resurs]. URL: <http://www.parlament09.ru/node/295> (data obrashheniya: 01.03.2018).
7. Landa K.G. Mesto i rol' Gosudarstvennogo soвета v formirovanii vlastnoj sistemy Respubliki Dagestan // Vlast'. 2016. № 1. S. 63–67.
8. Lejpkhart A. Demokratiya v mnogostavnykh obshhestvakh: sravnitel'noe issledovanie / Per. s angl. M.: Aspekt Press, 1997. 287 s.
9. Starodubrovskaya I., Kazenin K. Severnyj Kavkaz i sovremennaya model' demokraticeskogo razvitiya // EHkspertnyj doklad Komiteta grazhdanskikh initsiativ. 2016. [EHlektronnyj resurs]. URL: <https://komitetgi.ru/analytics/2774/> (data obrashheniya: 01.03.2018).
10. Strategiya gosudarstvennoj natsional'noj politiki Rossijskoj Federatsii na period do 2025 goda. Utverzhdena Ukazom Prezidenta RF ot 19 dekabrya 2012 g. № 1666. // Ofitsial'nyj internet-portal Prezidenta RF. [EHlektronnyj resurs]. URL: <http://kremlin.ru/acts/bank/36512> (data obrashheniya: 24.08.2018).
11. Ethnic groups and boundaries by Fredrik Barth // [EHlektronnyj resurs]. URL: http://www.bylany.com/kvetina/kvetina_etnoarcheologie/literatura_eseje/2_literatura.pdf (data obrashheniya: 24.08.2018).
12. Horowitz D. Ethnic power sharing: Three big problems // Journal of Democracy. 2014. Vol. 25. No 2. P. 5–20.
13. Lijphart A. Constitutional design for divided societies // Journal of Democracy. 2004. Vol. 15. No 2. P. 96–109.
14. Lustick I., Miodownik D., Eidelson R.J. Secessionism in multicultural states: Does sharing power prevent or encourage it? // American political science review. 2004. Vol. 98. No 2. P. 209–229.

Адиев А.З. Представительство этнических групп в органах власти как фактор социально-политической стабильности на Северном Кавказе.

В работе анализируются региональные политические практики учёта этничности при распределении властных позиций в полиэтничных республиках Северного Кавказа. Отмечается противоречивая роль системы политического представительства этнических групп в Дагестане, Кабардино-Балкарии и Карачаево-Черкесии, которая, с одной стороны, содействует обеспечению этнополитической стабильности в регионе, а с другой – способствует политизации этничности, что препятствует общероссийским интеграционным процессам как в политическом, так и в социокультурном значении.

Ключевые слова: *Северный Кавказ, Дагестан, Кабардино-Балкария, Карачаево-Черкесия, политическое представительство, власть, этнические группы, идентичность*

Adiev A.Z. Ethnic power-sharing as a factor of socio-political stability in the North Caucasus.

The paper analyzes political practices of ethnic power-sharing in the multiethnic republics of the North Caucasus. The contradictory role of the system of political representation of ethnic groups in Dagestan, Kabardino-Balkaria and Karachay-Cherkessia has been revealed. On the one hand, the system of ethnic power-sharing is ensuring ethno-political stability in the region. On the other hand, it contributes to the politicization of ethnicity, which hinders the all-Russian integration processes, both in political and sociocultural meaning.

Key words: *North Caucasus, Dagestan, Kabardino-Balkaria, Karachay-Cherkessia, political representation, power, ethnic groups, identity*

Для цитирования: Адиев А.З. Представительство этнических групп в органах власти как фактор социально-политической стабильности на Северном Кавказе // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2018. № 4. С. 7–16. DOI: 10.24866/1998-6785/2018-4/7-16

For citation: Adiev A.Z. Ethnic power-sharing as a factor of socio-political stability in the North Caucasus // Ojkumena. Regional researches. 2018. № 4. P. 7–16. DOI: 10.24866/1998-6785/2018-4/7-16

